
Кружка кваса — три копейки.
Эскимо на палочке.
Тополь. Старые скамейки.
Двор играет в салочки.

В голубятнях ликование —
«Чистого» загнали.
Летний вечер. Воркование.
Танго на рояле.

Тюль колышется в окошке.
Голос слышится родной.
Мать нажарила картошки
И зовёт меня домой.

*Памяти моего отца — штурмана
Московского речного пароходства*

Я на ушах носил фуражку,
Была фуражка велика.
И за кормой мою тельняшку
Стирала чистая река.

Я был счастливей Магеллана!
Швартовы отданы давно.
Стоял в каюте капитана,
Смотрел в открытое окно.

А за окном лежала Волга,
Заливы, плёсы, камыши.
И не хватало мне восторга!
И не хватало мне души...

Танго

В сумерках светят огни
Золотом спелого манго.
На палубе тёмной одни
Танцуем старинное танго.

Это симфония тел,
Это полёт бумеранга.
Всё, что сказать не сумел,
Сказала мелодия танго.

Памяти тонкая нить —
Юность — весна — Таганка...
И никогда не забыть
Наше прощальное танго.

Церковь Бориса и Глеба
И Левитановский плёс.
Родина чёрного хлеба,
Родина белых берёз.

Твёрдые скулы Батгя,
Красные блики воды.
В пламени лики святые —
Страшных набегов следы.

Слушаю поле ржаное
Или протяжную речь...
Всё-таки что-то родное
Нам удалось уберечь:

Церковь Бориса и Глеба
И Левитановский плёс,
Родину чёрного хлеба,
Родину белых берёз.

В палисаднике — шар золотой.
Бор сосновый стоит за рекой.
Я с корзиной чуть свет по мосткам
Убегаю к заветным местам.

Покружил, покружил, покружил,
Словно несколько жизней прожил.
Вот он счастья восторженный миг:
Боровик и ещё боровик!

У меня после них и зимой —
В палисаднике шар золотой
И в глазах — под березой родник...
Оглянулся — опять боровик!

Прощание с эпистолярным жанром

Время писем, время ожиданий,
Время долгих душеизлияний
В ящике почтовом не ищи.
Там лежат квитанции из ЖЭКа.
Съехала в подвал библиотека
И на старой скатерти камчатной
Остывают суточные щи.

Девушка и светофор

Лето. Над городом смог,
Пробки и шум мотора.
Взгляд отвести не мог
От девушки у светофора.

Она ждала от него
Светопереключения.
Как будто, это могло
Судьбы изменить течение.

В памяти много лет
Образ её прекрасный.
Трёхглазый меняет цвет —
Жёлтый, зелёный, красный...

Лето в деревне

Воробьи на дворе чирикают,
Лето дышит в окно.
Хлеб, молоко с черникою...
Вечером в клубе кино.

В окружении старых тополей
Двор плывёт
под парусами простыней.

Облака ревнуют к простыням —
Кто бы их
немного постирал?

Слышу двор, родные голоса...
Мать на кухне
гладит паруса.

Возвращение

Пироги подрумянились в печке,
Самовар, закипая, поёт.

Постаревший Степаныч на речке
Проверяет с утра перемёт.

Здесь — мальчонка, счастливейший в мире —
Я из блюда прихлёбывал чай;

На часах я подтягивал гири,
Словно время дарил невзначай...

Я вернулся, сажу на крылечке,
На коленях пристроился кот.

Пироги подрумянились в печке,
Самовар, закипая, поёт.

Бабушка чистит рыбку,
варит с утра варенье.
Дедушка прячет улыбку.
Внук сидит на коленях.

А в мире бушуют страсти,
в Америке Трамп у власти,
рыжую дарит улыбку.
А бабушка чистит рыбку.

Речной вокзал

Речной вокзал... Под вечер
Девчонкам на ходу
Мы назначали встречи
В сиреневом саду.

Здесь танцевали вальсы,
Крутили патефон
И робко целовались
У мраморных колонн.

Речной вокзал, мы оба
Немолоды, и всё же,
Продрогший до озноба,
Здесь я себя моложе.

На белых теплоходах
Уже отбили склянки,
Но отражают воды
«Прощание славянки...»

Сёмга

*Моему другу, автору «Золотой блесны»
Игорю Ивановичу Шкляревскому*

Из Атлантических широт,
Пройдя по северной дуге,
Она по звёздам путь найдёт
К своей единственной реке.

В руках удилице поёт
И сталь крюков в её губе...
Она порвёт блесною рот,
Круги оставив на воде.

Чистосердечное признание адвоката Макеева

Прокуроры, судебные приставы,
Вы меня не найдёте нигде.
Я сойду на какой-нибудь пристани,
Поболтаю ногами в воде.

Отосплюсь на ромашковой простыни
В золотистом жужжании пчёл...
Быть счастливым на свете так просто,
Мне и годы мои нипочём.